

Плешивцева Елена Юрьевна

ЧЕЛОВЕК "МАССОВОГО ОБЩЕСТВА": KEEP UP WITH YOUR NEIGHBOUR

В статье рассматривается вопрос сущности индивида общества "массового потребления". В таком обществе при отсутствии духовной основы бытия индивид трансформируется в унифицированного "одномерного" человека, что ведет к утрате смысла жизни, который редуцируется и низводится к материальным ценностям как основополагающим. Необходимо учитывать причины онтологического характера и действие этических механизмов для выявления сущности феномена "массового общества" и субъекта этого общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 161-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121-290.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-Пресс; Кучково поле, 1998. 384 с.
3. Воррингер Вильгельм об искусстве XX века: выступления разных лет / пер. и послесл. И. Чечота // Метафизические исследования - XIII. СПб.: Алетейя, 2000. С. 252-295.
4. Делёз Ж. Кино / пер с фр. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem, 2004. 622 с.
5. Лосев А. Ф. Основной вопрос философии музыки // Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 315-335.
6. Петина М. А. Темпоральность музыки как предмет философско-культурологического исследования: дисс. ... канд. филос. наук. Саратов, 2005. 207 с.
7. Стравинский И. Хроника. Поэтика. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

MUSIC HISTORY IN THE LIGHT OF TEMPORALITY: PHILOSOPHICAL-CULTUROLOGICAL ASPECT

Marina Aleksandrovna Petinova, Ph. D. in Philosophy

*Department of Philosophy
Samara State Technical University
shloss@yandex.ru*

The author undertakes one of the few attempts in native philosophy to carry out the integral analysis of music temporality problem, shows that the results demonstrating the research novelty are the contribution to this phenomenon study: substantiates the thesis of epoch culture influence on music temporality and chronotope construction; reveals the stylistic stages of music formation in the context of time, and determines temporal paradigms.

Key words and phrases: music; time; temporality; chronotope; musical culture; artistic time; music time; time in music; paradigms.

УДК 17.021.2

В статье рассматривается вопрос сущности индивида общества «массового потребления». В таком обществе при отсутствии духовной основы бытия индивид трансформируется в унифицированного «одномерного» человека, что ведет к утрате смысла жизни, который редуцируется и низводится к материальным ценностям как основополагающим. Необходимо учитывать причины онтологического характера и действие этических механизмов для выявления сущности феномена «массового общества» и субъекта этого общества.

Ключевые слова и фразы: общество «массового потребления»; унификация; постмодерн; духовно-ценностные основания жизни; «середина»; утилитаризм.

Елена Юрьевна Плешивцева, к. филос. н.

Кафедра философии

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет

albaneiler@mail.ru

ЧЕЛОВЕК «МАССОВОГО ОБЩЕСТВА»: KEEP UP WITH YOUR NEIGHBOUR®

К середине XX века рост прогресса, а с ним производства и потребления привели к феномену общества потребления или «массового общества». Массовое общество формирует массовую культуру, субъектом которой является упрощенная, лишенная духовных оснований личность, интересы и идеалы которой сводятся, по сути, к известному американскому лозунгу *keep up with your neighbour*, что предполагает, с одной стороны, соответствие человека некоему стандарту («будь как все») при абсолютной очевидности, с другой стороны, того, что умение «достичь некоторого уровня» (*keep up*) соотносено исключительно с материальной стороной жизни.

Подобный массовый, или, по определению Герберта Маркузе, «одномерный человек», формируется в эпоху модерна в рамках индустриального общества, которое нацелено на максимальное единообразие, унификацию, стандартизацию, что осуществляется и через техническую оснащенность общества: «Техника служит для того, чтобы ввести новые, эффективные и удобные формы социального контроля»; «прогресс расширяется до системы господства и унификации, усмиряет силы, борющиеся с системой, подавляет протест» [2].

Подобного рода ситуация характеризуется для человека нивелированием и утратой духовно-ценностных ориентиров, смыслов и ценностных оснований. Взор человека, устремленный исключительно к внешним формам существования и сравнения (уравнивания) себя с другими, не может найти (пожалуй, и не стремится)

«тех последних абсолютных глубин, к которым мы прикасаемся изнутри» [4, с. 84], но лишь пустоту, одиночество, страх перед бессмысленностью своего конечного существования. Утрата целостности вкупе с утратой духовных путей преодоления человеком дискретности своего бытия выражается в потере истинного смысла жизни и, как следствие, в нарастающем ощущении бессмысленности существования.

В последнее время в статьях, посвященных проблемам рассмотрения бытия современного общества и человека, можно обнаружить оптимистичные мысли о том, что постиндустриальное общество, преодолевая тенденции к единообразию, стремится обеспечить социокультурное разнообразие как «ресурс выживания человечества», как «способ ориентации в современном мире» [3, с. 9]. Можно предположить, что задается возможность реального преодоления тех тенденций, которые ведут к унификации, обезличиванию человека, его растворению в толпе. Возможно, мир, существующий по законам всеохватывающего плюрализма, в пестроте своего социокультурного разнообразия, во всех своих «де» – децентрализации, деурбанизации, демассификации – открывает возможность преодоления «катастрофы человеческой сущности»?

Как ни парадоксально, попытка ответить на данный вопрос привела нас к противоположному выводу: постиндустриальное общество не снимает и принципиально не может снять проблему «омассовления индивидов», а значит, несмотря на то, что нацеленность на разнообразие позиционируется в качестве фундаментальной основы постиндустриального общества, такого рода «фундамент» оказывается несостоятельным как минимум в том смысле, что не дает принципиально нового решения (а строго говоря, вообще не дает решения) проблемы «одномерности» современного общества и «сознания человека, этим обществом контролируемого» [2].

Если рассматривать вопрос с этой точки зрения, то мы не видим принципиального отличия модерна и постмодерна. «Афиши меняются, но стена, на которую они наклеиваются, одна и та же» [1, с. 158]. Это цитируемое Петером Козловски высказывание Эрнста Юнгера как нельзя лучше характеризует описанную ситуацию. Приведем еще одну цитату из «Мифа о модерне» Петера Козловски, характеризующую генетическое родство модерна и постмодерна: «Пестрота, многообразие и множественность остаются по-прежнему блеклой и угнетающей... унификация *идей* и толкований окутывает бытие» [Там же, с. 161].

Попробуем проанализировать, какие процессы, действие каких нивелирующих механизмов и на каких уровнях бытия человека приводят к той «катастрофе человеческой сущности», которая связана с обезличиванием человека, с односторонностью его интересов, с опустошенностью его внутреннего мира.

Обезличивание, унификация не есть лишь результат действия сугубо социальных сил. То есть это не только результат коммунистической «уравниловки» либо действия механизмов буржуазного общества потребления («будь как все»), но и процессы, обусловленные, с одной стороны, онтологически, как «соблазн падения в комфортно-обезличенное существование», с другой стороны, метафизически, как невозможность выстраивать бытие на глубинных духовных основаниях при нивелировании сакральной его наполненности. Перефразируя знаменитое высказывание Ф. М. Достоевского, можно отметить, что природа процессов унификации и обезличивания человека лежит гораздо глубже, чем это может быть представлено в социальных теориях.

На онтологическом уровне, как нам представляется, имеет место связь рассматриваемых проблем с онтологическим способом бытийности. Строго говоря, суть сводится к следующим моментам: бытие человека определялось сквозь призму бытия Божественного Абсолюта как сонаправленность человека-личности Личности-Творцу. Процессы секуляризации веры, имевшие место в культуре Запада, вели к тому, что бытие человека теряло свое сакральное наполнение. Таким образом, человек оказывался вне позиции «человек ↔ Бог» и поэтому вынужден был выстраивать свое бытие в позиции «человек ↔ Ничто». И тогда онтологическая задача сводится к решению вопроса: как может человек выстраивать свое бытие перед «лицом» Ничто?

В этом отношении важным элементом духовно-экзистенциального пространства человека становится понятие «середина», которой человек стремится во что бы то ни стало держаться, чтобы чувствовать себя комфортно «в этом успокаивающем, все “понимающем” сравнении себя со всеми» [5, с. 206-207]. Середина определяется одновременно и как точка внутри самого человека (чувствование себя в безопасности), и как внешняя граница (безопасность, достигаемая невыделением себя из себе подобных, уравниванием себя с другими). В силу своих охранительных характеристик эта «серединность» в каком-то смысле может быть соотнесена с сакральными точками пространства, выделяемыми людьми с древности. Необходимо, однако, понимать, что личностное пространство, лишенное духовной глубины, лишено и своих сакральных качеств. Сама середина неоднозначно воспринимается человеком. Выполняя охранительную функцию (своеобразное «чур меня» современного человека), серединность заключает в себе идею обезличивания, усредненности как платы за комфортное ощущение безопасности; «эта серединность, намечая то, что можно и должно смочь, следит за всяким выбивающимся исключением» [Там же, с. 151].

Бытие перед лицом Ничто находит выражение в чувстве заброшенности, тотального одиночества, причем это чувствование все больше ощущается не как отпадение от Бога (вот основное отличие от мирочувствования в эпоху раннего христианства и Средневековья!), а как отчуждение от социума, более того, как отчуждение человека от собственного «я», когда «присутствие ближайшим образом и большей частью не есть оно само» [Там же, с. 139].

Парадоксальность бытия человека состоит в том, что, будучи замкнутым на себя, отчужденным от других («не-Я»), он всегда и неизбежно существует (соприсутствует) в общем пространстве, создаваемом им и другими субъектами, поскольку «не бывает ближайшим образом и никогда не дано голого субъекта без мира... не дано сначала изолированное Я без других» [Там же, с. 140]. Не следует, однако, воспринимать подобного рода соприсутствие, пространственную сопряженность как некое единство индивидов. Соприсутствие означенных «раздельностей» – субъекта и социума, субъекта и субъекта – следует воспринимать скорее как

отчужденность людей друг от друга, противостояние, в котором одна противостоящая сторона неизбежно подразумевает наличие другой стороны, но не образует с ней гармоничного единства¹. Эту ситуацию М. Хайдеггер описывает как сопричастие в пространстве обезличенной массы (Mann) обезличенного ею субъекта: «“Другие” означает не то же, что весь остаток прочих помимо меня, из коих выделяется Я, другие – это, наоборот, те, от которых человек сам себя большей частью не отличает, среди которых и он тоже» [Там же, с. 142].

Экзистенциальное «одиночество в толпе», как обозначил его Хайдеггер («друг-среди-друга-бытие»), столь же парадоксально воспринимается самим человеком. С одной стороны, замыкание индивидуального пространства на себя представляет собой негативную реакцию человека на возможность растворения своего индивидуального бытия в способе бытия других, заботу об отличии от других. Такого рода интенцию Хайдеггер описывает как желание человека соблюсти дистанцию, отделяющую его от других («хранение дистанции»).

На каких этических основаниях должен выстраивать свою жизнь «одномерный», обезличенный человек и каковы те этические основания, которые, по сути, определили бытие человека модерна и постмодерна? Прежде всего, основанием для возникновения «одномерного» отношения к миру и к другому субъекту явилась, на наш взгляд, этика утилитаризма: утилитарный подход выводит происхождение нравственных норм из соображений пользы.

Коль скоро массовое общество определяется массовой потребностью в материальных и культурных благах и видит свою задачу в удовлетворении этих потребностей («индивид обретает себя в вещах» (Г. Маркузе)), основным этическим принципом неизбежно становится принцип пользы, которая отождествляется с добром. Моральным считается то, что приносит пользу. Следовательно, целью человеческих поступков должно быть стремление извлекать из всего материальную пользу, выгоду, благополучие. Обратная сторона такого понимания полезной деятельности заключается в согласии с тем, что моральна любая деятельность, коль скоро она привела к успеху. В рамках такого подхода формируются так называемые «сервисные отношения», когда человек обезличивается, воспринимается как вещь. В этом смысле показательно, на наш взгляд, использование столь модного сейчас, пришедшего из английского языка словечка «успешный»: данное слово, примененное изначально к неодушевленным предметам, употребляется по отношению к человеку взамен слова «удачливый». Редуцированное понимание сущности человека, смысла его существования в рамках этики утилитаризма ведет к упрощению человеческой личности, к ее унификации. Не случайно этика утилитаризма подвергалась жесткой критике и мыслителями прошлого (приведем в качестве примера прекрасные лекции по этике Чарльза Финнея, прочитанные в середине XIX столетия), и продолжает вызывать нападки со стороны современных философов (здесь можно сослаться на фундаментальные труды одного из известных философов, профессора Оксфордского и Калифорнийского университетов Б. Уильямса).

Таким образом, унификацию общества и индивидов нужно рассматривать не только в «социальном срезе», но понимать как результат онтологически выработанного «средства защиты от ужаса Ничто», а также как проблему этического порядка, в частности, подавления индивидуальной моральности социальной, целью чего является конформистски ориентированная личность (поступать как другие, быть как все, то же самое *keep up with your neighbour* в рамках морали) либо личность, поступающая так, как того от нее ожидают.

Список литературы

1. Козловски П. Миф о модерне: поэтическая философия Эрнста Юнгера. М.: Республика, 2002. 239 с.
2. Маркузе Г. Одномерный человек [Электронный ресурс]. URL: http://www.modernlib.ru/books/markuze_gerbert/odnomerniy_chelovek/read/
3. Менцова М. И., Курбан Е. Н. Логико-методологический анализ процесса становления постмодернизма // Постмодернизм: парадигмы культуры: межвуз. сб. науч. тр. Магнитогорск: МГТУ, 2005. Вып. 1. 142 с.
4. Франк С. Л. Смысл жизни. М.: АРДИС, 2004. 158 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

MAN OF “MASS SOCIETY”: KEEP UP WITH YOUR NEIGHBOUR

Elena Yur'evna Pleshivtseva, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Novosibirsk State Architectural-Building University
albaneiler@mail.ru

The author discusses the question of a “mass consumption” society individual’s essence, substantiates that in the absence of the spiritual foundations of being an individual is transformed into a unified “one-dimensional” person, which leads to the loss of meaning in life that is reduced and relegated to material values as fundamental ones in such a society; and shows that it is necessary to consider the ontological nature reasons and ethical mechanisms action for identifying the essence of “mass society” phenomenon and the subject of this society.

Key words and phrases: “mass consumption” society; unification; post art nouveau; spiritual-value foundations of life; “middle”; utilitarianism.

¹Экзистенциальное «быть услышанным» оказывается неосуществленным и, в принципе, невозможным для осуществления. Сошлемся в контексте этих рассуждений на прекрасную пьесу американского драматурга Г. Олби «Что случилось в зоопарке», в которой проблема невозможности общения человека с другим человеком доводится до абсурдного решения: человек, не находя общего языка с людьми, находит его с собакой.